

Митрополит Иларион: литература должна помогать человеку найти путь к свету

28 июня 2014 года гостем передачи «Церковь и мир», которую ведет на телеканале «Вести-24» митрополит Волоколамский Иларион, стал писатель Сергей Шаргунов.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир». Сегодня мы поговорим о Церкви и современной литературе. У меня в гостях – писатель Сергей Шаргунов. Здравствуйте, Сергей!

С. Шаргунов: Здравствуйте, Владыка! Литература, как и Церковь, соприкасается с миром. Мне кажется, что отечественной литературе, да и вообще литературе как таковой, свойственно внимание к страждущим, к слабым, к тем, кто нуждается в помощи. И в этом позиция литературы совпадает с позицией Церкви. Именно поэтому, несмотря на то, что мы говорим о литературе, хотел бы спросить Вас о той социальной поддержке, которую Церковь оказывает людям. Кроме того, что я пишу книги, я ещё занимаюсь журналистикой, и очень часто на сайте «Свободная пресса», где я главный редактор, мы стараемся размещать информацию о социальной деятельности – о том, как помогают беспризорным, бомжам, детским приютам. Но есть ощущение, что такой информации остро не хватает, что в глазах общества создается несколько превратный образ Церкви. В какой мере сегодня Церковь помогает нуждающимся? Во время встреч с читателями я – как сын священника – часто слышу упреки в адрес Церкви, слышу вопросы: «Где Церковь? Может ли она помогать людям?»

Митрополит Иларион: Информации о благотворительной, социальной деятельности Церкви, действительно, остро не хватает – ведь это не «острая» информация. Прессу больше интересуют либо официозная, парадная сторона жизни Церкви – когда появляются материалы, приуроченные к тем или иным церковным праздникам или мероприятиям, – либо какие-то конфликтные ситуации внутри Церкви. Но та работа, которую Церковь ведет, помогая людям – причем речь идет о тысячах, десятках тысяч страждущих, обездоленных, о бездомных детях, о неполных семьях, об одиноких матерях, о преодолении наркомании и алкоголизма, – остается за пределами интереса СМИ, хотя такая деятельность ведется почти при каждом приходе.

Когда в прошлом году мы снимали фильм к 1025-летию Крещения Руси, я поставил перед собой задачу просто показать реальную жизнь Церкви. Мы съездили со съемочной группой в сиротский приют на Украине. Назвать это сиротским приютом можно лишь не побывав там. Этот комплекс возглавляет епископ, который двадцать с лишним лет назад, будучи простым священником,

усыновил ребенка. Потом еще одного, а потом – еще более трехсот детей. Для детей рядом с монастырем построено несколько корпусов. Они живут в прекрасных условиях. Когда приезжаешь туда, то первое, что видишь, – это атмосфера радости. Эти дети живут полноценной, полнокровной жизнью. О таких плодах служения Церкви нужно говорить намного больше, чем говорят сейчас.

С. Шаргунов: Абсолютно с Вами согласен. Очень часто приходится слышать и другой упрек в адрес Церкви. Многие говорят, что наша Церковь – это Церковь богатых, что она оторвалась от жизни. Есть даже такое расхожее выражение, прости Господи, про попа на «Мерседесе». Хотя я знаю огромное количество батюшек, которые с огромным трудом поддерживают свои сельские приходы, которые нищенствуют, – например, в Ярославской области. Многие батюшки даже не берут со старушек денег за свечи. Где-то священники сами занимаются сельским хозяйством и, по сути дела, их храмы оказываются центром инфраструктуры. Церковь спасает целые сёла и очеловечивает целые пространства. Но об этом тоже ничего не слышно. Зато все чаще звучат разговоры – в том числе в СМИ, – что Церковь занимается бизнесом, что те, кто идут в Церковь, настроены на заработок денег, а Церкви бедной, помогающей бедным как будто вообще нет.

Митрополит Иларион: Да, средства массовой информации создают именно такой образ. Не могу сказать, что мы абсолютно невиновны в том, что о нас говорят. Действительно, есть священники, которые разъезжают на «Мерседесах», но их немного. Сегодня на всю нашу многомиллионную Церковь насчитывается около 30 тысяч священников. Думаю, что из них не более тысячи ездит на дорогих машинах, в процентном соотношении это немного. Большинство священников живут в скромных, а иные – и в почти экстремальных условиях. Но о подвиге и служении этих людей говорится очень мало. Так же как, например, очень мало пишут о благородном труде врачей. Если врач совершит какую-то серьезную ошибку или возьмет взятку, об этом обязательно напишут, а о том, что врачи спасают тысячи людей от смерти и болезней, говорится очень мало. Служение священника сродни служению врача – потому что и тот и другой всегда рядом с людьми, помогая тем, кто остро нуждается в такой помощи.

С. Шаргунов: Вернемся к литературе. Мне кажется, несмотря на то, что зачастую современная литература может показаться несколько «специфичной» и даже «экстремальной», все-таки в тех лучших текстах, которые я могу отметить не только взглядом литератора, но и читателя, присутствует жажда подлинности, ощущение фальши окружающего мира, тоска от большого количества симулякров. Есть ощущение, что всюду торжествуют двойные стандарты, что вокруг слишком много неподлинного и нечестного. Как с этим быть? Находите ли Вы время для чтения современной литературы?

Митрополит Иларион: Я очень редко читаю современную литературу, потому что у меня

практически нет времени для чтения чего бы то ни было, не связанного с моей служебной деятельностью. Я обязан прочитывать такое количество бумаг и текстов, что на остальное не остается времени. Тем не менее, года два назад я прочел одну Вашу книгу. Это автобиографическое произведение «Книга без фотографий», где Вы рассказываете о своей семье. Не стану скрывать от телезрителей, что очень близко знаю Вашу семью. Я знаю Вашего отца, с которым познакомился, когда Вас еще не было на свете. Я знал Вашу маму, когда Вы находились в ее чреве. Поэтому я небезучастно следил за Вашим ростом, за Вашим развитием и творчеством. И я очень рад, что мы с Вами беседуем на эти важные темы.

Мне кажется, задача литературы заключается в том, чтобы показывать людям не только окружающий мир, но и определенные пути, выходы из тех трудных ситуаций, которые Вы, как писатель, можете очень ярко показать в своих сочинениях. У литературы всегда есть нравственная составляющая. Возьмем, например, Набокова. Я считаю его величайшим русским писателем – он владел русским языком, как, может быть, никто другой. Но нравственное начало у него совершенно притупляется и утрачивается. Чему учат его произведения, для меня совершенно непонятно. Для меня важнейшей составляющей частью литературы является ее нравственный аспект.

С. Шаргунов: Мне кажется, что даже в тех тяжелых ситуациях, которые описывает литература, через образ и язык очень часто все равно проникает свет. Как известно, пути Господни неисповедимы (см. Рим. 11, 33), дух дышит, где хочет (см. Ин. 3, 8). И очень часто в совершенно, казалось бы, мирском художественном произведении присутствует острый луч света, который заставляет читателя преобразиться. Ведь многое зависит от ракурса. При желании можно прочитать «Преступление и наказание» как историю молодого человека, убивавшего старушек, и спросить: чему учит автор? Но при ином прочтении, при прочтении вещи целиком становится понятно, что эта книга – совсем о другом, в том числе о преобразении человека.

Я с большой теплотой вспоминаю Вас, потому что с Вами связаны многие мои детские воспоминания. Я Вас помню, когда Вас еще звали Григорием. Одно из моих первых воспоминаний – когда Вы с большой иконой подходите ко мне, а я за загородкой, в детской кроватке, и Вы мне подносите эту икону.

Митрополит Иларион: Неужели Вы это помните?

С. Шаргунов: Есть такое воспоминание, хотя я был совсем мал.

Митрополит Иларион: Это очень для меня трогательно.

Вы вспомнили «Преступление и наказание». Это, конечно, прекрасный пример литературного произведения, которое, с одной стороны, – как практически все другие произведения Достоевского – говорит о самых темных сторонах человеческой жизни, но, с другой стороны, показывает исход из тьмы к свету. И то, чем заканчивается «Преступление и наказание», когда Раскольников читает вместе с Сонечкой Евангелие от Иоанна, страницы о воскрешении Лазаря, – это, конечно, и есть тот свет в конце тоннеля, который я бы так хотел видеть в той или иной форме в каждом литературном произведении.

В то же время литературное произведение не должно превращаться в нравоучение. Есть пример другого великого русского писателя, который был по-настоящему велик в своих литературных трудах, но когда он вместо романов стал писать нравоучительные книжки для крестьян, то дело закончилось конфликтом с Церковью. Это Лев Толстой.

Мы хотим живой литературы, искренней, интересной, яркой. Но при этом хочется, чтобы книги не только отражали мрачную действительность окружающего мира, но и помогали человеку найти путь к свету.

Служба коммуникации ОБЦС

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/51328/>